

ПАВЕЛ БЕЙЛИНСОН

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Это случилось на пустыре

День был пасмурный. Все небо, до самого горизонта, затянули свинцовые тучи. Монотонно ударялись о гранитный пирс волны с огромными лилово-коричневыми пятнами нефти и, разбившись о каменную грудь стены, с шипением откатывались назад. Лязг железа, грохот якорных цепей, пронзительный свист вырывающегося откуда-то пара, завывание буксирных сирен — все сливалось в сплошной гул.

Минуя грузы, разбросанные, на первый взгляд, в хаотическом беспорядке, мимо высоких башенных кранов и огромных катушек кабеля пробиралась по гранитному пирсу легковая автомашина. Вот она остановилась неподалеку от длинного кирпичного пакгауза, где уже стояли десятки других грузовых и легковых автомобилей. Хлопнули дверцы, и из машины вышли четыре человека. Один из них, коренастый мужчина, одетый в парусиновую куртку, показал рукой в сторону моря и что-то сказал остальным. К пирсу медленно подходил морской буксир. Небольшая его команда почти вся была наверху: трое матросов держали опущенные за борт кранцы — черный борт судна вот-вот должен был коснуться каменной стенки. Мужчина в куртке повернулся к стоявшему рядом невысокому человеку в очках. Тот кивнул головой. И вот уже парусиновая куртка замелькала между грудами ящиков и бочек. По перекинутым на берег сходням человек в куртке вошел на борт судна и, дружески похлопав по плечу одного из матросов, спустился в люк машинного отделения.

А минут через пять из люка показалась могучая фигура другого человека. Казалось, что он еле протискивается сквозь горловину, так широки были его

плечи. Неторопливо поднявшись на палубу, он начал обтирать ветошью большие, черные от машинного масла руки. Вскоре он и человек в куртке были уже на сходнях.

В то же самое время от стены пакгауза отделились три человека, и, когда широкоплечий, неуклюже переваливаясь и продолжая вытирать руки, ступил на берег, двое из троих метнулись к нему. У одного расстегнулось пальто, блеснули пуговицы милицейского кителя. Мгновение — и кисти рук Пауля Арупыльда оказались сжатыми, как в тисках. Вески — так звали человека в очках — быстро ощупал его одежду. Двое других тотчас отпустили Арупыльда, но продолжали стоять по бокам, как будто ничего особенного не случилось. Все это произошло в течение нескольких секунд. В суতোлке портовой жизни никто не обратил внимания на короткое замешательство у пирса, и, прежде чем Арупыльд сказал слово, позади его мягко зашуршали по гравиям автомобильные шины...

Неслышно подошедший человек в парусиновой куртке двумя руками взял большую ладонь хмуρο молчавшего Пауля и тихо сказал:

— Прости меня, Пауль... Я не верю, что ты мог сделать плохое. Но так надо. Поезжай с ними, там разберутся...

Арупыльд молча шагнул к машине. Уже садясь в нее, он нашел глазами одинокую фигуру матроса, смотревшего на пирс с палубы буксира, и хрипло крикнул ему:

— Я поехал!.. Прикрой там форсунки!..

* * *

Арестом Пауля Арупыльда закончился первый этап следствия по делу о зверском убийстве Армильды Арупыльд, в котором участвовал капитан милиции Лембит Вески.

Дело возникло всего лишь четыре дня назад. На пустыре, в районе Ласнамяэ, после полуночи один из прохожих случайно наткнулся на труп женщины. Труп этот находился внутри проржавевшего каркаса кабины разбитого семитонного грузовика, валявшегося здесь еще со времени войны. Женщина, казалось, сидела, вытянув ноги, чуть наклонив голову вперед и едва касаясь юбкой земли. Только присмотревшись, можно было увидеть электрический провод, один конец которого обвивал ее шею, а другой был привязан к верхней стойке кабины. Лицо женщины было залито кровью. Белели лишь кофточка, видневшаяся из-под расстегнутого пальто, да ладонь правой руки, безжизненно свисавшей на колени.

Кто убил женщину? Один или несколько человек напали на нее? Была ли борьба? Ответить на эти вопросы было трудно. Вески удалось обнаружить только след мужской ноги у придорожной канавы да чугунную деталь, покрытую засохшими сгустками крови. Почему убили? Грабеж? Вряд ли. На бугорке, рядом с машиной, лежала светло-коричневая кожаная сумочка. Убийца, наверное, и не открывал ее. Деньги, паспорт, пачка рецептов — все оказалось нетронутым.

Вески оглянулся. Кругом расстилались огороды, с которых уже убрали картофель. На рыхлой, комковатой почве высились кучки ботвы. В предрассветных сумерках они выглядели совсем черными. Вдали виднелись

одинокие и тоже черные в этот ранний час домики.

Послышались шаги. Вески поднял голову. Рядом стояли следователь прокуратуры и молоденький лейтенант Отс в темно-синей аккуратно пригнанной шинели. На вытянутой ладони Отс держал гипсовый слепок следа ступни. Здесь же находились и понятые. Поодаль переминался с ноги на ногу проводник с собакой.

— Не взяла? — коротко спросил следователь.

— К кабине идет след, — кивнул проводник в сторону трупa. — Есть и другой. По нему Рекс потянул на дорогу, но метров через триста потерял...

— Возьмите пробу земли, — приказал Вески лейтенанту.

Небо на востоке начало розоветь. От земли тянуло сыростью. Отчетливее стала видна фигура Отса. Вески пошел к нему. Увидев капитана, Отс быстро вскочил, неуловимым движением отряхнул шинель и вытянулся.

— Пробу взял и... обнаружил новые следы, только не очень понятные.

Эту глиняную площадку, примыкавшую к придорожной полосе, Вески уже видел. Освещая ее фонариком, он и нашел глубокий, словно нарочно вдавленный след мужского ботинка. Теперь Отс показал на глинистый бугорок, видневшийся в траве. След на этом бугорке был «смазанный».

— Поскользнулся, — заметил Вески.

— И я так подумал. Смотрите! — Отс чуть повернулся. — Третий отпечаток, правда, неполный, только носка, но, как и первый, от левого ботинка.

— Большое расстояние между следами, пожалуй, метра два, — ответил Вески.

— Поскользнулся и прыгнул на носок! — Видимо, Отс был доволен, что капитан согласен с ним. — Прыжок длинный. Сильный человек!..

Вески присел, рассматривая следы. Нет, вряд ли это был прыжок. Скорее, человек бежал. Неожиданно под лучом фонаря блеснула металлическая гильза от шнурка. Капитан бережно поднял ее. Затем достал из кармана блокнот и, вырвав листок, аккуратно завернул в него находку.

— Поезжайте на квартиру к этой Арупыльд. Проводника по пути завезите в управление. Машину пришлите назад...

Когда Вески возвратился, оперативные работники милиции уже хлопотали возле трупa, пытаясь вытащить его из кабины.

— Кажется, задушена, — сказала врач-эксперт Мария Степановна. — На голове, правда, раны, но неглубокие. На шее кровоподтеки... Следы пальцев и — странно! — петля на шее...

— Да, разобраться здесь нелегко, — задумчиво произнес Вески и достал из кармана платок, чтобы протереть очки. — Давайте собираться, сейчас машина придет...

— За что-нибудь зацепились? — негромко, будто боясь нарушить наступившую тишину, спросила Мария Степановна.

— Да нет. Был здесь, кажется, высокий молодой человек. Ботинки у него никак не меньше сорок третьего размера, прыгает, а может быть, и бегает хорошо. Больше, пожалуй, ничего определенного. Ведь мы даже не знаем, как ее убили...

Первая нить

Шинель Отса, аккуратно сложенная, была перекинута через спинку стула. Сам он сидел за столом и писал протокол обыска. На лбу у него выступили капельки пота. Не будь Отс одет в форму, его можно было бы принять за старшеклассника, старательно готовящего уроки.

Вески махнул рукой: «Продолжайте» — и огляделся.

Небольшая комната, оклеенная обоями, которые принято называть веселенькими. Много салфеточек. На невысоком комодe в рамках из ракушек стояли фотографии. На одной из них Вески узнал Армильду Арупыльд, с другой браво смотрел молодой широкоплечий военный моряк.

На стульях стопками лежало белье. Только мужское. Дамского не было — это Вески сразу заметил. Какая-то старушка с морщинистым лицом растерянно укладывала белье в ящик. Она бросила взгляд на Вески и отвернулась. Ей помогала другая женщина, невысокая, коренастая, в белом фартуке, видимо дворник, приглашенная в качестве понятого. В комнате находилась еще одна старушка. Она торопливо предложила Вески сесть:

— Сейчас уже уберем. Все посмотрели, все... Я уж им говорила: не деритесь, не ругайтесь, не доведет это до добра.

— Про кого вы это, бабушка? — спросил Вески.

— Да все про него, про Пауля.

Вески вопросительно взглянул на Отса, отложившего перо и слушавшего этот разговор. Потом перевел взгляд на милиционера, с которым вместе вошел. Тот понял, что ему надо остаться, придвинул стул, уселся и закурил. А Вески, следователь и Отс вышли из дома и удобно устроились на скамейке возле крыльца.

— Пауль — муж Армильды, — начал вполголоса Отс — Она уже месяц, как не живет здесь. Перед уходом поссорились. Вчера Пауль вел себя странно. Мать его — та, что складывала белье, — жаловалась: всегда молчит, а вчера слова сказать не давал. Ушел из дома часов в десять вечера, вернулся под утро, переоделся и — сразу на буксир. Он механиком служит. Сказал: «В плавание иду...»

— Одежду осмотрел?

— А как же. На брюках пятно, будто бы кровь. И на ботинках глина.

— Это интересно... А о какой драке бабушка говорила?

— Пауль нашел письмо какого-то Руди. Объяснение было бурное. Соседи слышали шум, крик... Армильда выбежала из комнаты и больше не возвращалась. Потом ее подруга за вещами приходила... Все ясно! На пустыре у Пауля и Армильды был скандал. Пауль убил ее. А когда пришел в себя — бросился бежать. Вы были правы: он не поскользнулся, а именно бежал.

Вески молчал. Отс испытующе поглядел на него:

— А вы как думаете?

Вески засмеялся:

— Я подожду гадать... Лучше скажи: кто этот Руди?

— Он ни разу здесь не был, его никто не видел. Вот, взгляните... — Отс достал

из кармана обрывок бумаги. — У Пауля в пиджаке нашел.

На листке, стершемся на сгибах, Вески прочитал:

«...Люблю и ни перед чем не остановлюсь. Ты меня знаешь!»

Дальше шла подпись: буква «Р» с витиеватым росчерком.

— Так... А что соседи говорят, каков Пауль по характеру?

— Не знаю...

— То-то и оно. Кто такой Руди, мы не знаем... Надо найти Руди, да и подружку Армильды. Верно?.. А как протокол?

— Готов, осталось подписать.

— Ну-ну... Вещи я заберу, а ты свяжись с пароходством и — в управление.

* * *

Пятно на брюках светилось. Так могла светиться под флуоресцентной лампой и кровь. Биологический анализ еще предстоял. Эксперт-криминалист утверждал, что ощущает керосиновый запах от обуви, и готовился проверить свое предположение химическим анализом. Кроме того, он установил, что гильза, найденная Вески на пустыре, была со шнурка ботинка Арупыльда.

Покинув криминалистическую лабораторию, Вески зашел в кабинет Отса. Лейтенант еще не приехал. Вески сел за стол, снял очки и задумался. По существу, за весь день, начавшийся, собственно, еще ночью, это была первая минута, когда он мог по-настоящему собраться с мыслями.

Возникло две версии. Первая — убийца муж Армильды Пауль, вторая — убийца Руди, фамилия которого не была известна. «Улики серьезные, — сказал криминалист. — Не исключено, что более правильной версией может оказаться первая: ревнивый муж убил неверную жену».

Но Вески был слишком опытен, чтобы позволить себе успокоиться на этом. Много лет он работает в уголовном розыске и хорошо знает, что о выводах еще не может быть и речи. Ни с одним человеком, имеющим отношение к делу, подробно пока не говорили. Разве только с матерью Пауля да с дворником, которая за день до обыска в квартире Пауля, часов в девять вечера, видела, как из деревянного домика на улице Выргу, что стоит на самом берегу возле причала, вышел с пакетом высокий, широкоплечий мужчина. Вроде это был Пауль Арупыльд. А может быть, и не он... Женщина окликнула парня, но он не обернулся, а лишь прибавил шагу и скрылся за поворотом.

Да, определенного было еще очень мало. Разве только Пауль Арупыльд...

Дверь широко распахнулась. На пороге появился Отс.

Вески надел очки и сказал:

— Пойдем к полковнику, а потом домой, обедать.

Вески докладывает...

— Ожидаю. И давно. — Полковник Мяэкиви сидел за столом, на котором, кроме аккуратной черной папки, ничего не было.

Войну Мяэкиви начал командиром взвода разведки, а закончил начальником

разведотдела соединения. В его фронтовой жизни был такой случай. За год до окончания военной службы полковник получил выговор в приказе по фронту за самовольное личное участие в разведывательной операции.

— Признаться, я думал, что вы верите своим подчиненным, — заметил ему генерал. — Оказывается, нет, не верите. Трудно так работать...

Эпизод этот полковник вспомнил не случайно. Обстоятельства не позволили ему выехать на место происшествия. И сегодня с утра, разбирая документы, он не раз с большим усилием подавлял в себе такое же, как тогда на фронте, желание самому вмешаться в расследование дела. Как-то там без него управились! Он хорошо знал Вески, его умение видеть все, что нужно. Но ему всегда казалось, что капитан чрезмерно долго копается, раздумывает. И сейчас полковник думал, что Вески что-то тянет. Будь он, Мяэкиви, с ним — на столе уже давно лежал бы итог первых шагов расследования.

— Давно, давно, — повторил он, пока Вески и Отс подходили к столу. — Знаете ведь, надо докладывать: чрезвычайное происшествие... А я весь день как в потемках. — Полковник позвонил и приказал секретарю пригласить начальников отделов.

Вески молча подал протоколы осмотра места происшествия и производства обыска.

Вошли офицеры. Вески коротко рассказал обо всем, что удалось установить. Полковник несколько раз прерывал его, делая попутно краткие записи в свой блокнот.

— Страшная картина... Нет следов борьбы... Сумочка не тронута... Пауль Арупыльд был там... Что вы думаете?

Вески ожидал этого вопроса, готовился к нему и... не знал, что сказать.

Но полковник продолжал:

— Первое: Пауль на судне?

Отс молча кивнул.

— Снимать с судна будем? Нет... С людьми говорили?

Вески улыбнулся. Этот вопрос: «С людьми говорили?» — в управлении называли «слабостью полковника». С войны он вынес несокрушимую веру в советского человека. Он не раз сталкивался с людьми, запуганными фашистскими оккупантами, и все же эти люди никогда не отказывали разведчикам в помощи. Больше того, после каждой разведки у Мяэкиви крепло убеждение, что без рассказов этих людей по-настоящему разведки не проведешь.

— Это на фронте, — говорил полковник, — где врагов — тысячи. А у нас — один выродок на десятки, сотни тысяч честных людей. Никуда ему не скрыться. И невиновного не обвинишь — люди горой встанут. Надо только уметь спрашивать.

Нет, с людьми почти не говорили. С кем и о чем говорить, по какому пути направить следствие, где искать убийцу — это предстояло сейчас решить. И полковник подвел итоги.

— В ночь на 28 октября 1955 года найден труп Армильды. Следов борьбы нет. Ограбления тоже нет. Известно, что у нее была связь с неким Руди и месяц назад после скандала она покинула Пауля. Муж относился к ней хорошо. Найдена записка, написанная Руди. В ночь, когда Армильда погибла, Пауля Арупыльда

дома не было. Следы ног на месте происшествия совпадают со следами ботинок Пауля. На месте найдена гильза от шнурка его ботинка. Установлена идентичность глины на обуви Пауля с грунтом, взятым с места происшествия. На его одежде имеются пятна, похожие на кровь. Версия первая — убийство совершено Паулем Арупыльдом из ревности.

Полковник умолк и закурил. Где-то в глубине его глаз Вески увидел затаенный вопрос. «Тоже сомневается», — удовлетворенно подумал Вески.

— Так. Кто начнет? — полковник посмотрел на майора Луми.

Немолодой, полный офицер Луми уже давно работал в уголовном розыске. Его называли «ходячей картотекой». Удивительно цепкая память майора хранила сотни самых различных случаев. Он помнил мельчайшие детали, и после его справок незачем было обращаться к документам. Луми встал.

— Зверское убийство... — медленно сказал он. — Уже лет десять не было такого. Сумочка цела, — значит, не грабили. Вероятные мотивы: ревность, месть; возможно, мешала кому-нибудь. На работе у нее все в порядке?

Вески поспешно встал.

— Судя по паспорту, месяц назад оставила службу в универмаге. Больше ничего не известно.

— Всеми версиями, считаю, надо заниматься сразу, — сказал майор Хеннинг, сидевший рядом с Луми.

Хеннинг, так же как и Мяэкиви, пришел в милицию из армии. Его фигура могла порадовать глаз самого придирчивого строевика. Всю войну Хеннинг прослужил под начальством Мяэкиви. Был он переводчиком, несколько раз ходил в операции, держался мужественно и этим привлек к себе внимание начальника. Завоевав его доверие, он уже в операции больше не рвался...

В известной степени под влиянием властного характера Мяэкиви Хеннинг выработал в себе привычку спорить с начальством только тогда, когда начальство хочет слышать возражения. Как-то в минуту откровенности он сказал Вески: «Удивляюсь вам, лезете на рожон. Какой смысл плевать против ветра?» Мяэкиви выдвигал Хеннинга — сейчас он исполнял обязанности начальника отдела. Его предложение — разрабатывать все версии одновременно — было, несомненно, правильным: этот элементарный закон расследования знал каждый начинающий криминалист. Никто и не возражал Хеннингу. Но и большой пользы от этого «правильного» предложения тоже не было.

Мяэкиви спросил:

— Странгуляционная борозда прижизненная?

Вески снова встал. Он как бы вновь увидел прожилки, тонкими усиками отходившие от багровой полосы следа, оставленного проводом на шее убитой. Эти прожилки и доказывали, что Армильда Арупыльд была жива, когда на нее накинута петлю.

— Так точно! — Он понял мысль полковника. — Но следы пальцев на шее и разбитая голова... Вряд ли это самоубийство.

— А все-таки... И на работе проверьте, не было ли повода. Итак, — заключил полковник, обращаясь к Вески, — Арупыльдом займетесь вы. Руди поручите Отсу. Универмаг? Хеннинг сам решит, кого послать.

Когда Мария Степановна Москаленко отошла от оцинкованного стола, залитого ярким светом бестеневого лампы, было уже двенадцать часов дня. Не снимая тонких резиновых перчаток, она подставила руки под струю теплой воды из крана и, обернувшись, посмотрела на сосредоточенно куривших Вески и Отса.

Нового Москаленко сказала мало. Тщательный осмотр трупа и вскрытие подтвердили, что Армильда Арупыльд задушена.

— Ничего не понимаю... Сначала ударили, потом душили, потом накинули петлю. Так не бывает! — не выдержал Отс.

— Все бывает! — произнес следователь. — Надо только трезво смотреть на вещи. Вспомните: ни на земле, ни на одежде следов того, что ее волокли, мы не обнаружили. Значит, петля надета в кабине.

— Так в чем же дело?

— Вот этим-то нам и предстоит заняться.

Вески позвали к телефону. Возвратившись, он сказал:

— На ботинках Арупыльда был керосин. На брюках кровь той же группы, что и у его жены... Ну, спасибо, доктор. Пошли, Отс. Скоро мать Пауля придет...

По новому следу

Когда дверь за матерью Пауля закрылась, Вески задумчиво посмотрел на Отса.

— Ничего она не знает, Харри, или делает вид, что не знает. Но почему-то хочется ей верить...

— Испугалась она за сына. Помните, вы спросили: в каком состоянии пришел домой? «Домой пришел, как обыкновенно, спокойный, переоделся и ушел на судно — оно должно было утром отправиться в море», — прочитал Отс свои записи. — А мне что сказала на обыске? «Взволнованный пришел!»

— Помню, — досадливо махнул рукой Вески. — Что-то она подозревает, но ведь она мать. А ты хочешь, чтобы мать стала в грозную позу: дескать, мой сын убил, накажите его... Чепуха! Не об этом я.

Мать Пауля много и подробно рассказывала о сыне, о его жене. Говорила она искренне. Пауль и Армильда жили вначале хорошо. Только Пауль больше любил Армильду, чем она его. Она любила одеваться, и в дни, когда судно стояло в гавани, Пауль по вечерам сидел дома, ремонтировал радиоприемники — мастер он хороший, — все старался заработать побольше. В такие вечера Армильда устраивалась рядом с ним, была ласковой. Сердце матери радовалось. А уйдет Пауль в море — Армильда прибежит из магазина, наскоро поест и отправится куда-нибудь. Конечно, сидеть со старухой скучно. Часов в одиннадцать-двенадцать обязательно возвратится. С год так было. А потом стала приходиться позднее, и вином от нее иной раз пахло. Начались ссоры. Пауль приемники чинит, а ее все нет и нет. Прибежит ночью, скажет, собрание было или у подруги задержалась. Как они там с Паулем между собой объяснялись, мать не знала — в отношении мужа с женой лучше не вмешиваться. Но, видно, не все гладко у них шло. С месяц назад Пауль нашел письмо Руди — крик, драка. Армильда ушла.

Пауль сам не свой стал. Где Армильда этот месяц жила, мать не знала. Не знала также, виделся ли с ней Пауль. Дома у них, говорила она, никто не бывал. С подругами Армильды незнакома.

Допрос оставил у Вески странное впечатление. Он верил в искренность старой женщины. То, что она рассказывала о сыне, вызвало симпатию к нему, но по ее словам выходило: Пауль горяч. Значит, в минуту запальчивости он мог и убить Армильду. Однако в гневе убивают сразу, а не так... Узнать бы, виделся ли Пауль с женой в тот вечер...

— Сейчас отдыхать, — сказал Вески, поднимаясь со стула. Отс тоже встал. — Обедать ко мне пойдешь? Нет? А с утра допроси соседей и потом — в универмаг. Может, на след Руди нападешь...

Вески остался в кабинете. Он долго сидел за столом, разглядывая паспорт Армильды, ее фотографию, бумажки, лежавшие в сумочке. Красивая блондинка с живыми смеющимися глазами смотрела на него со снимка.

* * *

Юноша в элегантном темно-синем пальто и серой шляпе вошел в универмаг и смешался с толпой покупателей. В магазине было много народу. Юноша огляделся, словно не знал, к какому прилавку подойти, потом, решительно раздвигая покупателей, направился туда, где продавали цветастые хлопчатобумажные ткани. Пробившись к прилавку, молодой покупатель улыбнулся такой же молоденькой, как он сам, продавщице в форменном платье и негромко спросил у нее:

— А где Армильда?

Продавщица, продолжая отмерять ткань, кокетливо склонила к нему голову, мгновенным движением взбила волосы и так же тихо ответила:

— Она же в шерстяном была... Но только уже с месяц у нас не работает.

— Знаю, — улыбнулся покупатель. — У меня письмо к ней. Где она живет?

— Дома вы ее не найдете. Армильда ушла от мужа. Оставьте письмо, она иногда ночует у меня. А от кого письмо? — Девушка с любопытством посмотрела на юношу.

— От Руди.

— Он ведь знает, что Армильда ушла с работы...

— Но не знает, где она живет. А вы давно ее видели?

— Два дня назад она у меня ночевала и утром ушла к Руди. Мужа накануне встретила.

— Пауля?

— Да... Вы хоть и друг Руди — он всегда через друзей мирится, — а мне Пауль нравится... Он по-настоящему любит Армильду. А она... кто ее поймет... В общем, позавчера вечером у нее должно было состояться решительное объяснение с Паулем.

— Кто бывал у вас от Руди?

— Ну, Арви, например.

— Арви Якобсон, с «Коммунара»?

— Фамилии не знаю. Знаю, что брюнет с голубыми глазами. И по-моему, он работает на «Эстикабель».

— Знаю, знаю...

— Давайте письмо. Если не сегодня, то завтра обязательно передам.

— Не знаю, как и быть... А Руди давно видели?

— Не говорите чепуху! Его Армильда никому не показывала. И шутить над ним не позволяла, — задумчиво добавила девушка. — Интересно, какой он?

Тут подошел покупатель, и когда продавщица обернулась, чтобы продолжить разговор с молодым человеком, то его не оказалось.

А Отс уже бежал к трамвайной остановке. Ему хотелось скорее найти Арви. Он должен знать, где живет Руди.

...В отделе кадров завода было шумно: стучали пишущие машинки, разговаривали посетители. Инспектор по кадрам, пожилая женщина с черными нарукавниками, проверив документы Отса, несколько минут копалась в картотеке, а затем сообщила необходимое: Кюбарсепп Арви, 1920 года рождения, инженер отдела главного технолога. Уволен с завода 26 сентября.

— Адрес известен?

— Кюнка-Пыйк, 69, квартира 5. — И женщина вопросительно подняла голову.

— Все, благодарю вас... — Потом, подумав немного, спросил: — Извините, а Руди не работает у вас? То есть нет ли у вас инженера по имени Рудольф?

— Рудольф? Попробуем поискать. — Инспектор стала быстро перебирать карточки. — Есть и такой, и еще... и еще...

Рудольфов оказалось три. Отс выбрал того, который был помоложе. Как и Кюбарсепп, он — инженер. Аккуратно записал: Леппик Рудольф, 1923 года рождения, инженер-отдела главного технолога.

Инспектор, наблюдавшая за ним, заметила:

— Дружок Кюбарсеппа...

Постучав карандашом о стол, Отс медленно, будто размышляя вслух, сказал:

— Придется зайти и к технологу...

Войдя в кабинет главного технолога, он сухо представился. Но официального разговора не получилось. Из-за широкого письменного стола встал высокий грузный мужчина с копной седых волос и пошел навстречу Отсу.

— Вот уж не ожидал!.. Кто хотите в эту комнату входил, а людей вашей профессии не бывало. Зачем пожаловали, если не секрет?

— Скажите, пожалуйста, Рудольф Леппик у вас работает?

— У нас, у нас... А что он натворил? Инженер он хороший, только... выпить любит и до дамского пола падок. — Инженер помолчал. Потом внимательно посмотрел на Отса и добавил: — Профессия у вас, как бы это сказать, психологическая, что ли... Так что добавлю: вспыльчив, горяч.

— А технолога Кюбарсеппа знаете?

— Конечно. Он и Леппик всегда были вместе.

— Леппика я могу увидеть?

— Его нет, заболел.

Как вести себя с Леппиком? О чем говорить? Да и дома ли он? Отс никак не мог сосредоточиться. Главное — скорее добраться до Леппика. Хорошо, что попало такси.

Дверь Отсу открыла женщина в белом переднике. Она молча провела его в конец коридора и показала на большую двустворчатую дверь. На стук ответил низкий мужской голос:

— Войдите.

За круглым столом, стоящим посередине комнаты, обедал высокий широкоплечий мужчина. На нем была темно-синяя в тонкую, почти как нитка, красную полоску пижама. Его чисто выбритое красивое лицо с большими серыми глазами выражало довольство. Он протянул Отсу холеную руку с длинными пальцами.

— Инженер Леппик. Вы из поликлиники?

— Нет, — сухо ответил Отс. — Я из милиции.

— Из милиции? Зачем?

— Вы Арви Кюбарсеппа знаете?

Леппик грузно опустился на стул:

— Арви? Знаю. Вместе работали. А что? Убил кого-нибудь?

— Убил? Почему именно убил?

— Это я так... У него мой мотоцикл... Мог наехать... Да вы садитесь...

Отс сел и, не торопясь, вытащил из кармана блокнот:

— Скажите, когда вы заболели?

— Второй день. А почему вы спрашиваете?

Отс старательно записал что-то в блокноте.

— У вас никто не живет?

— Нет, никто...

— И не жил?

— Нет.

— Точно?

Глаза Леппика забегали. Отс, продолжая тщательно записывать, успевал следить за выражением лица собеседника.

— То есть... Иногда жили... женщины...

— А накануне болезни вы где были?

— Дома. Мне было нехорошо. Я рано лег спать... Анна Сергеевна, верно, я позавчера рано лег?

Из коридора послышался торопливый ответ:

— Верно, верно! Никогда так рано не ложились. Даже раньше меня. А я уже в одиннадцатом часу была в постели.

— Так. — Отс спрятал блокнот. Как быть? Тут явно что-то нечисто. — Мне бы хотелось продолжить наш разговор, но не здесь... Зайдите к нам в управление. Теперь же...

Не спуская глаз с Леппика, Отс напряженно думал: «Делать сейчас обыск? На каком основании? Да и что тут найдешь?»

Дверь зеркального шкафа была открыта. Отс подошел ближе. На верхней полке в углу он увидел дамскую сорочку.

— Это что у вас?

— Это? Это одной знакомой. Забыла...

— Ее фамилия?

Леппик растерянно поглядел на Отса. Рука его, державшая галстук, застыла неподвижно.

— Это не имеет отношения... — пробормотал он.

— Фамилия! — настойчиво повторил Отс.

— Я не скажу. Это не имеет отношения...

— Телефон у вас есть?

— Нет.

Как быть? Обыск необходим, это очевидно. Отс лихорадочно старался придумать выход из положения. Запереть комнату? Но, может быть, есть второй ключ? Что-то слишком уж быстро ответила соседка. Ей доверять нельзя.

— Кто у вас убирает комнату?

— Анна Сергеевна. Я ей оставляю ключ. Сегодня она уже убирала. Скажите, в чем дело?

Отс облегченно вздохнул, — значит, ключ один.

— Ну что же, пойдете вместе...

Заперев комнату, Леппик подошел к зеркалу, висевшему в передней, и хотел положить на него ключ.

— Комнату ведь убрали уже, — безразлично заметил Отс. — Вы что, ожидаете кого-нибудь?

— Да... то есть нет. Не знаю...

— Возьмите ключ с собой, — сухо произнес Отс.

— В чем же все-таки дело? — волновался Леппик.

Пауль или Руди?

Пока Отс разыскивал Рудольфа Леппика, Вески побывал у эксперта-биолога. Капитан сам хотел убедиться в правильности выводов экспертизы.

Да, сомнений не было. Кровь на одежде Арупыльда той же группы, что и у Армильды. Прибавилась еще одна серьезная косвенная улика.

Дело казалось совсем простым. Это злило Хеннинга. Он приказал Вески:

— Надо прекратить поиски! — И, подумав, добавил: — Самостоятельный вы слишком, капитан. Следовало сразу снять Арупыльда с парохода. Он еще и там натворит чего-нибудь...

За годы своей работы Вески не раз убеждался, что поспешность, как правило, приводит к ошибкам. Тем более что улики были все-таки косвенные. В конце концов, кровь у Пауля может оказаться той же группы, что и у жены. Понимал все это и Хеннинг, но выводы он делал иные: ну, соберет Вески еще на несколько улик больше.

Хеннинг встал из-за стола и прошелся по кабинету.

— Я не понимаю, почему вы сомневаетесь, капитан? — сказал он тихо, стараясь сдержать нарастающее раздражение. — Все факты говорят против Арупыльда. Тут не может быть случайного совпадения обстоятельств. И потом: не один вы отвечаете за дело. Есть же, в конце концов, еще и следователь прокуратуры...

— Улик для суда мало, — хмуро бросил Вески. — А ведь недоказанная виновность — это то же самое, что доказанная невиновность...

Хеннинг остановился. Заложил руки за спину, а потом медленно сказал:

— Достаточно... Где у вас Отс?

— Поехал искать Руди.

— Если Руди ни при чем — кончайте.

Отс должен был прийти с минуты на минуту. За окнами голубело небо. Вески захотелось на мгновение выбежать на улицу, вздохнуть полной грудью. «За папиросами», — нашел он повод.

Все его существо восставало против скоропалительного завершения дела. «Пусть будет хоть сто улик, — думал он, шагая по бульвару, — но пока ты внутренне не убежден — до конца продолжай следствие. Каждое преступление должно повлечь за собой кару, но видеть преступника в каждом, кто проходит по делу, — тоже преступление. В этом суть правосудия».

...Отс встретил капитана в коридоре. Он уже в третий раз выбежал из кабинета. Ему не терпелось приступить к допросу Леппика. Отс поднял указательный палец:

— Он здесь...

— Кто? Арупыльд?

— Нет, — Отс сделал паузу, — кое-кто посерьезнее.

— Посерьезнее?

— Да. Здесь Рудольф Леппик. И один шнурок у него новый — видно, сменил.

Они вошли в кабинет.

Отс подробно рассказал о своей поездке к Леппику. Вески внимательно слушал своего помощника. Видеть умеет, умеет и связывать факты, а вот с выводами торопится.

— Так... — Вески встал. — Вообразите, товарищ лейтенант, что перед вами задержанный Леппик. Он дает вам объяснения: «Да, я был взволнован. Видите ли, я дал Кюбарсеппу свой мотоцикл, а у него нет прав, и я это знал. А вдруг он человека изувечил?..» Не устраивает такое объяснение? Можно и поострее: «Вы говорите, Армильда пошла на свидание с мужем и не возвратилась? Не случилось ли что? Сорочка? Действительно, ее, но не хотел говорить. Да и вы бы, наверное, не сказали. Ключ? По привычке хотел оставить... А впрочем, ожидал Армильду... Говорил ли с ней накануне болезни? Говорил по телефону. О Ласнамяэ? Не припомню... Шнурок? Да, заменил. Ну и что же?»

— Значит, зря я его пригласил сюда?

— Нет, почему же...

...На столе под лампой — кружок света. Верхняя часть лица Леппика освещена, нижняя — в тени. Лихорадочно блестят его большие глаза над тонким хрящеватым носом. Вески сидит напротив. Отс — сбоку, у стола. Все трое молчат.

Леппик ожидает вопросов, а Вески и Отс приглядываются: что знает этот человек, как к нему подойти?

Тишина начинает давить. Вески лениво, будто продолжая разговор, спрашивает:

— Ваше имя Рудольф Леппик?

— Да. А в чем дело?

— Погодите немного. Давно ли вы больны?

— Я уже отвечал на эти вопросы. Простудился три дня назад, сегодня, по существу, здоров.

— Вы женаты?

— Нет, то есть... Нет, не женат! А какое это имеет отношение к делу?

— К какому?

— Арви Кюбарсеппа. Что он натворил?

Вески отодвинул лампу. Тень переместилась, глаза Леппика потускнели, и стал отчетливо виден его крупный рот с четко очерченными влажными губами.

— Армильду Арупыльд давно знаете?

Уголки рта дрогнули, рот как-то обмяк, распустился и потерял свою четкость. Но через мгновение Леппик снова сжал губы. Отс всем телом подался вперед и впился взглядом в его лицо. А Леппик спокойно произнес:

— Давно. А она, при чем?

— Не расскажете ли об этом вы?..

Глаза Леппика стали большими. На лбу выступили капельки пота.

— Я?! Что она сделала?

Вески холодно смотрел на него, ожидая ответа на свой вопрос.

— Мы знакомы около полугода. — И Леппик стал рассказывать, как он и Армильда познакомились в универмаге. Это было обычное знакомство молодых людей. Изредка встречались, бывали вместе в кино.

Неожиданно Вески положил перед ним смятую по углам записку, найденную в пиджаке Пауля Арупыльда.

— Как она к вам попала? — В глазах Леппика были и страх, и удивление. — Я ничего не понимаю... — Вески молчал, в упор глядя на него. И, повинувшись этому взгляду, Леппик пробормотал: — Я... я хотел, чтобы она поверила в мои чувства...

— Дальше!

— Она поверила... С мужем даже разошлась... Хотела, чтобы я женился на ней.

— А вы?

Леппик попытался победоносно улыбнуться, но улыбка получилась наглая, неприятная.

— Я не могу жениться на всех...

Вески передернуло.

— Вы сказали ей это?

— Не совсем. Почему это вас интересует?

Вески встал. Ему был гадок этот холеный красавец. Поднялся и Отс.

— Что вы ей говорили?

— Что говорят в таких случаях?! «При живом муже не женятся... Нам нужно лучше узнать друг друга...» Кажется, она поняла, что зря ушла от мужа... —

Леппик по-прежнему нагло улыбался. — За это, извините, не судят. — Но тут взгляд Леппика снова упал на записку. Что-то непонятное промелькнуло на его лице. — Уж не убила ли она мужа?

Отс вспыхнул и рванулся. Вески поднял руку: спокойно!

— Когда вы виделись в последний раз?

Леппик опустил на стул.

— Я все расскажу... — От наглости не осталось и следа.

Он никогда и не думал, что Армильда так привяжется. От мужа она ушла к подруге, потом жила у него. Два дня назад возвратилась к подруге и оттуда позвонила по телефону, что будет разговаривать с мужем. Наверное, они помирились — больше Армильда не приходила. Из-за женщин всегда неприятности. Так и тут. Сначала доставалось ее мужу. Теперь достанется ему, Леппику. Если Армильда и сделала что-нибудь плохое, он не может отвечать за это.

— Я не виноват, что так получилось, не виноват, — бормотал Леппик и заискивающе заглядывал в глаза следователя.

Отвращение, вспыхнувшее несколько минут назад, все сильнее овладевало Вески. Этот «покоритель дамских сердец», этот мерзавец, пожалуй, не врет. Убить он, конечно, не мог, но если бы за гнусный характер можно было наказывать!..

— Кто ее подруга? И где живет?

— Альма Метс, из Койдула, 86, в конце Кадриорга.

Так и есть. Это недалеко от Ласнамяэ. Вески не знал Пауля, но его охватило чувство жалости к нему, возможно ставшему убийцей из-за такой мрази. Он поднялся и пошел к двери.

— Оформите допрос, Отс!

Гости из порта

Видимо, Хеннинг все же был прав.

Вески не любил своего начальника, но отказать ему в уме, проницательности не мог. Пожалуй, Хеннинг всегда правильно определял конкретную цель следствия и настойчиво шел к ней...

— Вывод ясен, — говорил Хеннинг в кабинете полковника. — Факты подтверждают этот вывод. Что еще надо?

Стройный, он стоял, вытянувшись у стола. И вместе с тем майор держался свободно, даже чуть вызывающе. Как-то Вески задал себе вопрос: «Что больше нравится Мяэкиви в поведении Хеннинга, подтянутость или дерзость?» Ответа он так и не нашел, но поймал себя на зависти — сам он не обладал такой великолепной выправкой. Сейчас неожиданно пришел ответ. Хеннинг умел угадывать мысли начальника и высказывать их дерзко, будто споря, — и льстит, и независимость соблюдает... Вот и теперь полковник тоже хочет быстрого окончания следствия... Не успел Вески так подумать, как Мяэкиви и в самом деле повторил вопрос Хеннинга:

— Что еще надо?

Однако тон вопроса же был ироническим, и это заставило Вески усомниться в своих выводах. Неловко, как ему показалось, он подошел к столу полковника и стал докладывать. С Арупыльдом еще не беседовали, что он скажет — неизвестно. Останавливаться только на Арупыльде нельзя.

Полковник ни разу не перебил его и коротко заключил:

— Хорошо. Продолжайте работать.

Хеннинг с неприязнью посмотрел на Вески — этот мешковатый капитан добился-таки своего. Теперь полковник опять будет ждать результатов поиска. И спрашивать он станет, конечно, не с Вески.

Вески хотел было доложить свои соображения. Но, взглянув на молчавшего Хеннинга, капитан решил, что тот хочет остаться наедине с Мяэкиви. Вески заторопился, неловко кивнул головой и вышел из кабинета.

...Проверкой в универмаге было установлено, что Армильда Арупыльд ушла, поспорив с заведующим отделом, но повод для спора был незначительный и не мог повлиять на ее судьбу. Подтвердилось и впечатление, оставшееся после допроса Рудольфа Леппика, — в ночь, когда произошло убийство, он действительно находился дома. Вески решился на арест Пауля Арупыльда, хотя абсолютной уверенности в его вине все еще не было.

Верно, материалы следствия, которыми он располагал, вели прямо к Паулю Арупыльду, но что-то вызывало безотчетную симпатию к механику. Быть может, такое чувство появилось после того, как мать Пауля снова побывала в управлении и со слезами на глазах допытывалась: «Что с сыном?» А может быть, здесь сыграла свою роль жалость к Арупыльду, возникшая во время допроса Леппика?

Арест, о котором рассказывалось в самом начале повести, прошел без каких-либо инцидентов. Отправив автомашину с арестованным Арупыльдом в управление, Вески по сходням поднялся на буксир. Там его встретил капитан судна и провел в каюту, где жил Пауль. Пробираясь по узкому проходу, Вески вдруг увидел, как приоткрылась маленькая, похожая на щель дверца каюты механика и из нее выглянула и сразу скрылась взлохмаченная голова того самого матроса, к которому Арупыльд обратился, садясь в автомобиль. Вески обернулся к капитану и, силясь перекричать шум машины, спросил:

— Механик жил один?

С удивлением глядя на захлопнувшуюся за матросом дверь каюты, капитан молча кивнул. Вески тотчас толкнул дверь и чуть не сшиб матроса.

— Что вы тут делаете, Сакс? — прокричал капитан. Обращаясь к Вески, он добавил: — Это Уно Сакс, матрос.

Вески кивнул головой, продолжая осматривать крохотное помещение и стоявшего перед ним человека. Тот вытащил из брючного кармана потертый металлический портсигар.

— Я... Здесь... У Пауля мой портсигар остался. Я взял его.

Из рундука механика Вески извлек небольшой пакет с радиодетальями, завернутыми в серую бумагу, да на столике, прикрепленном к стене, нашел сложенный вчетверо номер «Ыхтулехт» за вчерашнее число. Кусок верхнего поля над заголовком газеты был оторван, но на второй странице, в соответствующем оторванному клочку месте, Вески различил еле видимые вдавленные линии.

Присутствовавший при обыске капитан судна покачал головой: по его мнению, обыск в каюте Арупыльда не дал никаких результатов.

У Вески на душе тоже было нерадостно. Лишь неожиданная покорность Арупыльда при аресте позволила надеяться, что первый же его допрос все разрешит.

* * *

— Рассказывайте! — Мяэкиви жестом пригласил Вески сесть. Собственно, лицо капитана уже без слов говорило полковнику, что первый допрос Пауля Арупыльда прошел неудачно. — Рассказывайте! — повторил Мяэкиви и взглянул на подготовленную для доклада министру сводку, лежавшую на столе. Нераскрытое преступление раздражало его, а вместе с тем росло и недовольство капитаном. Надежный работник, хороший оперативник, но при всех его положительных качествах — ужасно медлителен. Вечно его приходится поторапливать...

— Нечего рассказывать, товарищ полковник, ровным счетом нечего. Молчит... — Вески достал из папки несколько листов бумаги. — Радиодетали, говорит, купил на рынке, а об Армильде сказал: «Плохо жили, потому и ушла от меня». Вот и все... Впрочем, нет, спросил: «Жаловалась?» На что жаловалась, почему — ничего не объясняет. — Вески снял очки и как-то беспомощно стал протирать стекла.

— Все? — полковник постучал папиросой о портсигар.

— Нет... Порой мне кажется, он не знает о гибели жены. А с другой стороны, взгляд у него какой-то испуганный...

В кабинете воцарилась тишина.

Вески действительно не мог разобраться в своих чувствах. Ему был симпатичен этот парень — неуклюжий, цеплявшийся за стулья в кабинете и в то же время удивительно ловко перебиравший пальцами радиодетали, найденные у него в каюте. И хотя улики против него сомнений не вызывали, все-таки... Но что скажешь об этом «все-таки» полковнику?..

Полковник так и не закурил. Папиросу он сломал, сунул в пепельницу, потом достал новую и продолжал тщательно разглядывать лицо Вески. «Станный у него взгляд сегодня, виноватый, что ли?» — думал Мяэкиви. Раздражение нарастало. Полковник убрал сводку, с шумом задвинул ящик и встал. «Надо же мне было доложить министру: преступник задержан! Болтун, — мысленно выругал он себя. — А почему, черт побери, болтун? Преступник в камере, а уж если он молчит, тем хуже для него и... для следователя... — Полковник взглянул на Вески: — Работничек! Провалил допрос и сидит тут, как истукан. Может, передать дело Хеннингу? Он из стороны в сторону метаться не будет!»

Однако заговорил полковник спокойно:

— Не знает... Молчит... Это бывает — не вас мне учить. Ничего, следствие свое покажет. Заготовьте постановление на арест... Мудрствуете все, капитан. Не сумели установить контакта с Арупыльдом и мудрствуете. Да не вздумайте сами начинать разговор о смерти Армильды! Пусть побудет со своими мыслями.

Помучается — словоохотливее станет.

Вески хотел было возразить, но промолчал. Полковник заметил его колебание.

— А что с этим, как его... Леппиком? Абсолютно ясно?

— Так точно! Подлец он, но к убийству непричастен! — Голос Вески прозвучал решительно.

— А Сакс?

— Текст на газете восстановили: адрес Сакса. На допросе он сказал: «Пауль собирался ко мне в гости и записал адрес». Но Сакс категорически отрицает, что отрывал запись. Арупыльд тоже заявляет: «Не отрывал».

— Проверить надо...

— Наблюдаем за Саксом, товарищ полковник.

Мяэкиви помедлил каку-то секунду, потом твердо сказал:

— Давайте скорее постановление и вспомните, нет ли других ниточек. Так ведь вы говорите? Нет? Можете идти.

Вески потянул на себя дверь, обитую черной клеенкой, но тут же отступил на шаг — в кабинет вошел секретарь начальника.

— Товарищ полковник, четверо рабочих из порта! — доложил он.

— Оставайтесь! — Мяэкиви жестом указал Вески на кресло у стола ж, словно желая примириться с ним, добавил: — Вместе послушаем голос общественности... Пригласите Хеннинга, — приказал он секретарю.

В одном из вошедших Вески узнал Михкеля Лунда, члена парткома порта, того самого, что помогал ему задерживать Арупыльда. И Лунд широко улыбнулся, увидев знакомое лицо. Он сел напротив Вески, а его спутники расположились на диване. Говорить начал Лунд:

— Мы насчет Пауля Арупыльда. Это — ребята с его буксира, а я — из парткома. Пауль, правда, не коммунист, но...

Товарищи не дали ему закончить, заговорили все сразу. Полковник улыбнулся и поднял ладонь.

С места поднялся такой же рослый, как и Пауль Арупыльд, человек:

— Говорить буду я. Вместе с Паулем работаю, мне и говорить. За что его забрали? Если не секрет — скажите. Надо — поможем... Моя фамилия Силасте.

Мяэкиви, которому понравилась резкость Силасте, объяснил:

— Пауль Арупыльд подозревается в убийстве своей жены Армильды.

— В убийстве? — Силасте вздрогнул. — В убийстве?.. — повторил он растерянно. — Эх, Пауль, Пауль!..

Лунд прервал его:

— И я так сначала: «Пауль, Пауль!» А потом подумал: мог Пауль убить? Мог, горяч. А вот убил ли он? Это другой вопрос.

— Нет, не убил! — Силасте стремительно подошел к столу Мяэкиви, чуть задев только что вошедшего Хеннинга, и убежденно повторил: — Этого не может быть! Не может!..

— Почему вы так уверены? — Сдерживаемое напряжение чувствовалось в голосе Вески.

— Я с ним пять лет плаваю, я его хорошо знаю.

Хеннинг усмехнулся. Он стоял в стороне, у стены, всем своим видом

показывая: «Вмешиваться не буду».

Вески очень хотелось спросить о взаимоотношениях Арупыльда и Сакса. Но как это сделать, чтобы не возбудить подозрений? Пожалуй, лучше пока помолчать.

Тут поднялся Лунд:

— Я скажу то же самое, но поточнее... Вернее, спрошу у ребят, а что они ответят — знаю. Доведись Паулю стать убийцей, промолчит ли об этом?

— Верно, сам скажет! — С дивана поднялись остальные. Все стояли у стола полковника.

Но Силасте тихо, почти шепотом неожиданно возразил:

— Станный он был, когда уходили мы из порта... Да и Армильда эта... Дрянная девка!

— Торопиться, друг! — Лунд положил руку на плечо Силасте и спокойно, отделяя одно слово от другого, сказал: — Пауль Арупыльд жены не убивал. Почему я так думаю? Потому что, если бы убил, скрывать не стал бы. Сам пришел бы к вам и сказал: «Я убийца». Не пришел, — значит, не убил. Поймите это...

Вески порывисто подал руку Лунду и вышел из кабинета. Мяэкиви удивленно вскинул глаза, хотел остановить его, но удержался — в кабинете были посторонние. Впрочем, никто из них не обратил внимания на эту коротенькую сцену.

А самый молодой из портовиков, светловолосый, худенький паренек, бережно державший в руках шикарную морскую фуражку с маленьким козырьком и огромным острым «блином», подхватил слова Лунда:

— Человечности у вас нет, товарищи... Мы-то Арупыльда лучше знаем, а вы его схватили и — к себе... Когда меня уволить с буксира хотели, кто заступился? Пауль. «Я, — говорит, — ручаюсь — больше Антс капли в рот не возьмет». А вы — «убийца»!.. — Последние слова юноша почти выкрикнул, потом вдруг осекся, отошел к дивану и сел в уголке.

— Так, сынок! Человечности, говоришь, мало... Схватили и — к себе... — Мяэкиви говорил ровно, пожалуй, устало. — Много ли ты видел в жизни?! Человечность! А когда человека убили... твою сестру, к примеру, или твою подружку? Надо хватать зверя за лапы или не надо? Может, по головке гладить? Ты ответь!

Антс слушал. Чуть хрипловатый голос полковника и усталость, сквозившая не только в его голосе, но и во взгляде, заставляли думать.

— Знаю, что скажешь. — Мяэкиви уже стоял, опершись руками о стол и чуть подавшись вперед. — Раньше установи, скажешь, кто этот зверь, а потом хватай. А думаешь, легко хватать?.. Вон капитан тут сидел, серый весь стал. Отчего? Мучается: того ли схватили? — В этот момент Хеннинг испытующе глянул на полковника. — Слушай, сынок, тебя Антсом звать? Слушай, Антс, раскрою тебе секрет: на земле рядом с трупом Армильды остались следы преступника — ботинок Пауля вошел в них, как влитой. Гильзу от шнура там нашли — с ботинка Пауля тот шнурок. Могут быть такие совпадения? Ты скажи, могут?.. Таких случайностей не бывает! — Мяэкиви внимательно посмотрел на Хеннинга и вдруг подумал, что убеждает не Антса, а самого себя. Он пододвинул кресло и сел.

Тишина в кабинете нарушилась. Антс походил на молодого петушка, собравшегося в драку и вдруг попавшего под ушат холодной воды.

— Я!..

Больше он ничего не мог сказать.

— Ты! — Полковник снова встал, подошел к нему и ласково похлопал по плечу: — Ты увидел, как милиционер ведет человека, и, не спросив, кто этот человек — не преступник ли он, закричал: «Хватают, милиция!..»

Четвертый матрос, все время молчавший и внимательно слушавший, резко отстранил Антса:

— Мы Пауля Арупыльда знаем. Он наш товарищ, и мы ему верим. Верю и вам, полковник. Только очень уж много черного бывает у вас перед глазами. Получше разберитесь, не кажется ли вам, что белое — это черное.

— Хорошенько спросите Пауля и поверьте ему! — подхватил Лунд.

— Мы и спрашиваем. Ведь идет следствие. — Полковник рассмеялся: — А вы молодцы! Друга защищать надо. Я бы тоже защищал.

Посетители ушли.

Хеннинг сделал шаг от стены.

— Слышали? Мог убить. Это главное. — С секунду помедлив, он передразнил: — «Убил бы — сам сказал»... Всерьез такое не примешь. Дело выеденного яйца не стоит, а мы копаемся.

Полковник, казалось, не слушал его. Он открыл стол и рассматривал сводку. В его ушах еще звенел срывающийся голос: «Человечности у вас нет». Тому парню он ответил правильно, а вот в словах Хеннинга человечности и верно мало. Почему мало? Но сразу же пришла другая мысль: «Зато логики много, анализировать он умеет». Эта мысль заставила полковника еще раз припомнить все улики. Да, Пауль мог убить! Это — слова людей, которых в чем, в чем, а в нелюбви к Арупыльду не заподозришь. Пауль, возможно, и честный человек, но...

Словно отдавая дань своим сомнениям, полковник пожалел, что Вески не слышал разговора. Он решил: в материалах следствия надо будет оттенить обстоятельства, смягчающие вину преступника. Но как бы там ни было, — подвел Мяэкиви итог, — Пауль Арупыльд — убийца.

Откровенный разговор

Вески, так стремительно покинувший кабинет полковника, пришел к противоположному выводу: убежденность, прозвучавшая в словах Лунда, укрепила его мнение о Пауле. Охотнее всего он отпустил бы сейчас Арупыльда на свободу. Человек, которому безгранично верят его друзья — хорошие, честные люди, — не может быть дикарем. Никакая ревность, никакая вспыльчивость не заставит его превратиться в зверя. Но улики все же были против него. Капитану казалось, что теперь, когда он ощущает такое глубокое убеждение в невиновности Пауля, установить с ним контакт будет просто. Пауль расскажет все, даст в руки «кончики нитей», и они с Отсом быстро размотают клубок, найдут истинных преступников.

И вот вновь допрос Арупыльда.

В раздумье капитан стоял у окна, через которое лился в комнату мягкий лунный свет, и, сняв очки, глядел на темно-лиловое небо. Лампу Вески погасил — пусть отдохнут глаза. Черные с зубчатыми краями облака то и дело закрывали золотистый серп луны.

Было так. Вески завел разговор о море, о последнем плавании Пауля. Тот отвечал сначала односложно, потом оживился. Да, штормило. Работать пришлось много. Но работу он любит, не боится ее. Шторм — это хорошо. Сменишься с вахты, выскочишь на палубу, вдохнешь морской воздух — и на душе становится легко. Вески самому приходилось выходить в море, и он вспомнил свои переживания. Рассказ об этом вызвал у Арупыльда легкую улыбку.

— Все сначала боятся. На суше — кругом земля, а на море — вода. Куда денешься, случись что-нибудь?..

Разговор был непринужденным, будто Вески только и стремился узнать, что чувствуют и переживают моряки. Он заставил себя забыть, что перед ним человек, которого подозревают в убийстве. Он видел перед собой только интересного собеседника и разговаривал с ним, забыв об Отсе, который, не шелохнувшись, сидел в углу на диване. Вески запретил ему даже вести протокол: «Сиди, слушай и запоминай».

Легко и естественно прозвучал его вопрос:

— Для вас море — дом родной! А каково женам на берегу без мужей?

Вески не готовился к этому вопросу, он просто знал: допрос — это творчество. Сблизись с тем, кого допрашиваешь, освободишься от чувства предвзятости — обязательно подвернется возможность перейти к нужной теме, сумеешь только воспользоваться.

Арупыльд вздрогнул, но ответил, опустив глаза:

— Тяжело... И моей жене вода не по нутру.

— Вкусы не совпали? Это случается... А вообще-то как жили?

Пауль поднял глаза, но смотрел он не на Вески, а куда-то вдаль и отвечал словно не следователю, а себе самому:

— Пожалуй, права она была: «Все плаваешь, плаваешь, а я одна. Ребенка бы нам нужно...» — Непередаваемая тоска звучала в его голосе.

— Где она теперь? — тихо спросил Вески. Он чувствовал, как внутри его что-то напряглось — сейчас все станет ясно!

— Ее нет, — так же тихо ответил Пауль. — Для меня она умерла...

И без всяких вопросов он рассказал. В тот вечер, когда они разошлись с Армильдой, Пауль был в гостях у Лунда. Жена Михкеля родила первенца — праздновали. Хороший сын у них! Армильда не пошла к Лунду, не захотела. Вернулся домой — Армильды нет. На комодке ее записная книжка, и в ней письмо. В глазах помутнело. Долго ли пьяному!..

— Армильда вошла, и я ударил ее, — коротко выдохнул Пауль. — Как сейчас, помню, стоит нарядная, красивая. Тоже ходила... куда-то. А я без пиджака — жарко было. Глаза у нее злые, чужие, и так твердо говорит: «Не люблю тебя». И я... я ударил, а она... — Пауль замолчал.

Десятки вопросов роились в голове Вески, но он не дал им прорваться.

— Сейчас были здесь Лунд и еще ваши товарищи, просили за вас.

— Да?.. — безразлично заметил Арупыльд. Больше он не сказал ни слова.

Собственно, Вески и не спрашивал. Он ждал, надеялся, что сейчас Пауль сам заговорит, по крайней мере спросит, где Армильда, что с ней, и тогда уже будет легко. Но тот молчал.

Вески предложил ему немного отдохнуть.

Когда Арупыльда увели, капитан сказал Отсу:

— Потом поговорим. Погуляй с полчаса. — А сам, погасив свет, подошел к окну.

Просветов на небе становилось все меньше. Из лилового оно превратилось в черное, а вот уже по стеклам забарабанили крупные капли дождя.

Вески задернул шторы, подошел к столу и зажег лампу под зеленым абажуром.

Итак, главного Арупыльда не сказал, даже не поинтересовался, почему его арестовали. Допустим, он убил и очень потрясен — ему кажется очевидным, что о смерти жены известно всем, но как он тогда мог работать в плавании, работать с душой? Не убивал? Почему же не протестует, не требует объяснений? Убил и хитрит? «Все они такие» — вспомнились слова полковника. Нет, в это не хотелось верить. Невозможно, чтобы человек, так мечтавший о сыне, оказался преступником... «Все бывает... Уж такая профессия — имеем дело с выродками», — не сам ли он, Вески, сказал это Отсу тогда, в морге...

Вошел Отс. Он занял место у стола, положил перед Вески подписанное Мяэкиви постановление об аресте Арупыльда и спросил:

— Продолжим?

Видно было, что Отс не одобрял первой половины допроса. Дело казалось ему очевидным.

— А как?

— Тактику надо менять.

Вески усмехнулся:

— Верно. Но и настроение тоже. — Голос капитана зазвучал строго, и Отс невольно поднял голову. Глаза начальника смотрели на него в упор и, пожалуй, зло. — Тому, кто пришел в уголовный розыск только ловить преступников, здесь делать нечего. Упустить виновного — ошибка, посадить в тюрьму невиновного — вдвойне, втройне!.. Прикажи ввести!..

Но тут резко зазвонил телефон. Вески жестом задержал Отса, направившегося было за Арупыльдом. Тот остановился в дверях и с любопытством глядел на повисшую в воздухе руку капитана.

В трубке слышался приглушенный голос:

— Вески? Это я. Наш знакомый вошел в тот же самый дом на Выргу... Помнишь?

Вески помнил: возле этого дома старушка дворник, присутствовавшая при обыске в квартире Арупыльда, за несколько часов до убийства Армильды видела человека, похожего на Пауля.

Положив трубку, капитан схватил плащ и бросил насторожившемуся Отсу:

— Едем!

Дом на Выргу

Сакс старался найти выход из создавшегося положения. Причина ареста Пауля ему была ясна. Еще хорошо, что этот верзила успел крикнуть: «Прикрой там форсунки!..»

Клочок газеты с адресом, верно, удалось проглотить, а что толку? Адрес все равно установили. Ладно еще, вывернулся — в гости, мол, к нему Пауль собирался... А вот пакет из рундука унести не удалось. Эта милицейская пигалица в очках опередила...

Что теперь делать? Надо как-то предупредить Роберта, дать ему возможность подготовиться. Вот черт! Говорил же брату, чтобы ничего не держал дома, так нет же!..

За окном уже разливались лиловые сумерки, когда Сакс вышел из дома. Был теплый осенний вечер. Какой-то пожилой рабочий в ватнике аккуратно прикрыл за собой парадную дверь в доме напротив и, рассеянно посмотрев по сторонам, пошел вслед за Саксом. Мимо промчалась ватага ребятишек, чуть не сбивших с ног человека в прорезиненном плаще, вышедшего из-за угла.

К улице, на которой находился универмаг «Электросбыт», Сакс подошел около семи часов вечера. Остановившись напротив, он стал терпеливо ждать. Минут через пять из магазина выскочил паренек лет двенадцати. Мальчик бережно нес в руке длинную синюю коробку с надписью: «Комнатная телевизионная антенна». Сакс нагнал его.

— Слушай-ка, парень, где достал антенну?

Мальчик изумленно вскинул глаза и ответил:

— В универмаге... А что?

— В «Электросбыте»? А кто тебе ее продал: мужчина или женщина?

— Дяденька... в очках... Толстый такой. А вам-то что?

Сакс укоризненно покачал головой:

— «Что», «что»!.. Антенны-то в этом универмаге негодные! Брак! Им-то лишь бы продать, а у тебя телевизор работать не будет... — Мальчик недоверчиво посмотрел на незнакомого моряка. — Я ведь точно знаю, — продолжал Сакс, — сам покупал, пришлось менять. Теперь у меня такое изображение на экране — во! Хорошо, что я знаком с этим толстяком в очках!..

Слова Сакса возымели свое действие, паренек нерешительно шагнул обратно к универмагу.

— Постой! Я тебе записку напишу... Только ты ее никому не показывай, а отдай прямо тому продавцу, у которого покупал. Он тебе обменяет антенну.

Сакс вырвал из блокнота листок и быстро написал:

«Роберт! Горим! Поменяй антенну этому юнцу. Х. С.».

Потом он аккуратно сложил записку и передал ее мальчику.

— Если не будут пускать в магазин, скажи, что оставил деньги на прилавке, — поучал Сакс. — Да поторопись!

Сакс усмехнулся, видя, как рванувшийся с места мальчик споткнулся на бегу и чуть было не растянулся на дороге, не подхвати его какой-то парень в прорезиненном плаще...

— В квартиру войдем порознь, — сказал Роберт Липп, гася сигарету о толстую каучуковую подошву. Приземистый, одетый по «ультрамоде», он тяжело поднялся со скамьи в сквере и вполголоса добавил: — Дома у меня немного, но оставлять нельзя. Пауль не сегодня-завтра расколется — и тогда всем труба... Мне выходить нельзя: жильцы и дворники срисуют... Уносить будешь ты.

— Я? — крикнул Сакс — С какой это стати я буду рисковать из-за тебя с Арупыльдом?

Липп скосил на брата маленькие, заплывшие глазки и угрожающе зашипел:

— Пьянствовать на вырученные деньги ты можешь, а ноги уносить я за тебя буду? Если раскопают, так тебе... Понял?

Не оглядываясь, он пошел прочь. Когда не в меру располневшая фигура Липпа скрылась за поворотом аллеи, Сакс медленно побрел в том же направлении. Побродив по улицам вечернего города, он повернул наконец на улицу Выргу и, дойдя до небольшого дома на самом причале, остановился. Закуривая сигарету, Сакс осмотрелся по сторонам и, вздохнув, решительно отворил парадную дверь.

Рабочий в ватнике в этот миг прошел по другой стороне улицы. Поравнявшись за углом с парнем в прорезиненном плаще, он чуть слышно произнес:

— В доме на Выргу. Звони Вески...

Прохожие разминулись.

Вески уже из машины увидел Сакса. Тот с небольшим пакетом в руках выходил из парадного дома. На размышления не оставалось времени. Как только машина остановилась, Вески и Отс очутились рядом с Саксом, молча обходя его с двух сторон. И здесь случилось то, чего никто не мог ожидать. Остановившийся было в недоумении Сакс неожиданно рванулся к пирсу и сбил с ног Отса, бросившегося ему наперерез.

Несколькими прыжками Вески нагнал Сакса метрах в трех от воды, но зацепился за конец какого-то троса. Падая, капитан успел схватить Сакса за ногу, и тот тоже растянулся на набережной, выпустив из рук пакет, который с плеском соскользнул в воду...

Подоспевший Отс крепко сжал руки Сакса, и Вески ринулся к воде. Но с высокой стены пирса он увидел лишь черно-бархатную гладь, отражавшую свет уличных фонарей, да медленно расходящиеся во все стороны ровные круги...

Сакс громко захохотал:

— Не вздумайте прыгнуть, дорогой товарищ! Пятнадцать метров глубины, здесь морские корабли свободно ходят.

Вески поднял голову. На втором этаже дома, из которого вышел Сакс, захлопнулась форточка. Отряхивая плащ, капитан спросил:

— Зачем вы бросили в воду пакет?

— Бросил? Кто вам это сказал? Вы же видели — пакет упал сам...

— А к воде он тоже сам направился? Почему убегали?

— Так ведь кто вас знает... Может, грабители...

— А теперь не думаете? — Вески предъявил удостоверение личности.

Сакс промолчал.

— Что было в пакете?

— Да так себе... Ничего особенного... Водка там была да кусок колбасы. И все потонуло... Вот обида-то!

— Кто здесь живет? — Вески кивнул на дом, из которого вышел Сакс.

— В этом доме? Брат мой, Роберт. Роберт Липп... квартира три.

Вески немного помолчал, потом обратился к Отсу:

— Остайся здесь. Я отвезу его в управление и пришлю людей.

Признание

— Скажите, гражданин Арупыльд, — спокойно сказал Вески, — состоялось ли ваше свидание с женой на Ласнамяэ?

Пауль чуть прикрыл белесыми ресницами свои глаза. Тяжелые руки его безвольно лежали на коленях. Он был ошеломлен неожиданной переменой, происшедшей с капитаном. Все то же самое — и неярко освещенный кабинет, и лампа, и даже поза у капитана такая же. А вот сам он — иной. Его глаза сверлят, притягивают... И ни намек на сочувствие. Впрочем, какое это имеет значение... Они все знают. Уж лучше бы прямо спрашивали... Молчать? Но нет, капитан повторяет вопрос, надо отвечать.

— Состоялось.

— Почему там?

— Рядом, на Койдула, 86, живет Альма Метс. У нее поселилась Армильда.

— О чем вы говорили?

Какое им дело до этого?.. Что они понимают, зачем копаются в его душе? Впрочем, все равно... Пауля охватывает безразличие, и он монотонно, будто не о себе, а о ком-то постороннем, начинает рассказывать.

Ему хотелось, чтобы Армильда возвратились домой. Обещал бросить пароход, поступить на радиозавод, работать дома. Поэтому и радиодетальями запасся. Готов был простить ей все, даже увлечение этим... Но Армильда сказала, что любит того, а не Пауля. Он стал запугивать Армильду — у ее отца была одна история. Сказал: «Все выложу твоему милому». Нет, не милому — назвал его так, что... Эх!.. А она... она взглянула, как затравленная, и крикнула: «Подлец! Смотреть на тебя противно!»

— Тогда я схватил ее за горло... — бесстрастно и холодно заключил Пауль и замолчал. Его огромные глаза стали неподвижными, словно он припоминал что-то. — И больше ничего не помню...

Вески приподнялся. Он почувствовал, как внутри его словно напряглась невидимая пружина. Какая-то мысль забила в мозг.

Секундное молчание прервал срывающийся голос Отса:

— Убили! Дальше?

— Убил?! — Пауль вздрогнул. — Ну да... Убил... — Он зарыдал вдруг, сотрясаясь всем своим грузным телом. Отс быстро подал ему стакан с водой. Пауль взял стакан и стал жадно пить. Вдруг пальцы его разжались, стакан упал и со звоном разбился. Арупыльд снова зарыдал.

— Уведи!.. — Вески взглянул на Отса. — Пусть отдохнет...
Арупыльд поднялся. Плечи его дрожали. У самых дверей он усмехнулся:
— А я думал из-за деталей забрали...

Цена ошибки

Через несколько минут Отс возвратился. Лампа в кабинете была погашена, штора отдернута, а Вески стоял у окна. Услышав скрип двери, он повернулся.

— Лейтенант Отс! Оперативник, не умеющий владеть собой, — плохой оперативник, — глухо сказал он, подчеркнуто перейдя на «вы». Вас следует наказать.

Отс замер.

— Выговор? Мне? За что?.. Но теперь же ясно... Сознался! Да любой суд приговорит его...

— Сознался!.. А знаете ли вы, лейтенант Отс, что страшнее всего для нас? Запомните на всю жизнь: ложь, близкая к правде! Нет ничего страшнее этого. Даже неумышленная ложь, все равно...

— Выходит: несчастный Пауль Арупыльд на Ласнамяэ не был, жену не душил, все это выдумка, чтобы доставить удовольствие лейтенанту Отсу?

Сухо щелкнул выключатель.

— Садись и слушай. — Вески пододвинул лист бумаги и взял карандаш. — Первое: Арупыльд сознался. В чем? Душил жену. А она задушена разве руками? Экспертиза, правда, этого не отрицает, но и не подтверждает. Но, скажем, все же задушил, А затем ударил и поволок к кабине? Ты видел Арупыльда, говорил с ним. Мог он такое сделать?

— Мог. Плачет и смеется.

— Близко к правде, но не правда. — Вески говорил свободно, не раздумывая. Видно, за последние минуты он уже ставил перед собой эти вопросы и отвечал на них. — Плачет, смеется... Плохой ты психолог, Харри. А если любит он жену, по сей день любит и даже верить не хочет, что ее нет в живых? Вторая версия: душил, но не задушил. Чтобы не кричала, оглушил, а потом повесил. Так. На руки его смотрел? Тут не кожу рассечешь, а полголовы отхватишь... Исключается.

— Так что же?

— Не знаю точно, но...

— Лембит, к чему все это?.. Преступник пойман, вы его сами посадили. К чему? Значит, вы ошиблись, я ошибся и полковник тоже ошибся. Ох и не любит он ошибаться!.. Да и не может этого быть.

— Испугался... Подвел Вески полковника — подсунул постановление, а теперь отбой бьет... Так?

Говорил Вески зло. Его злило упрямство Отса, непонятная в молодом человеке оглядка на начальство, да и досадовал он на самого себя. Можно, конечно, утешить себя мыслью, что Хеннинг заставил посадить Пауля, но, по существу, самому надо было окончательно убедиться в его виновности. Значит, сослаться на Хеннинга нечего. Может, достаточно было взять этого механика под наблюдение?

Арест — нешуточное дело.

Вески встал:

— Что сказал бы Арупыльд, не прерви ты его? Душил и... убежал. Вот что он сказал бы.

Отс улыбнулся:

— Я позволю себе, товарищ начальник, напомнить, что вы с ним даже о Саксе не говорили.

Вески повел плечами:

— А что о нем говорить? Мы же еще ничего не знаем... Я не утверждаю, а предполагаю. Одним словом, чего-то не хватает. Но чего? Мелочи, может быть. Но маленьким ключом открывают большие двери.

Пауль и Армильда

А Пауль в это время силился понять, как это его жизнь вдруг зашла в тупик. Мысли разбегались. Впрочем, на вопрос, мучивший все эти дни Вески, — почему Арупыльд не заговаривает о жене, о ее гибели? — Пауль мог ответить точно. Он не знал, жива Армильда или нет.

Армильда представлялась ему такой, какой он увидел ее в первый раз. В тот вечер она без усталости танцевала в парке, куда Пауля затащил Сакс. Прожекторы, подвешенные на деревьях по углам площадки, заливали танцующих ярким светом. Он тогда так и не решился подойти к ней и терпеливо переносил насмешки Сакса на сей счет. А потом, когда увидел, что Сакс танцует с Армильдой и она нет-нет да и взглянет в его, Пауля, сторону, попросту сбежал из парка.

Утром буксир уходил в море. Сакс явился на рассвете. И, только услышав, как в проходе застучали его каблуки, Пауль отдал себе отчет в том, что не спал, ожидая возвращения товарища. Ему стадо тоскливо, обидно, словно он обманулся в чем-то, что считал очень хорошим. «Дрянь, как многие», — решил Пауль и потянулся к выключателю. Стать не хотелось.

Заговори утром Сакс об Армильде, Пауль обрезал бы его. Но Сакс молчал, и, пересиливая себя, Пауль спросил:

— Загулял вчера с этой?

— Много ты понимаешь! С ней не загуляешь — не из таких. К брату ходил...

У Пауля перехватило дыхание, а потом стало легко. «Вот это друг», — подумал он тогда о Саксе.

...Пауль поднялся с маленькой табуретки и зашагал по камере. Пять шагов вперед, пять назад... Что же все-таки случилось? Как он попал в этот дом на Выргу? Но вместо ответа — перед глазами смеющаяся Армильда в новом платье. Она круто поворачивается, чуть подхватив кончиками пальцев юбку:

— Хорошо?

Так хорошо, что и не скажешь. Армильда — его жена. И за что только выпало ему, неуклюжему, такое счастье? Чем привлек он Армильду, то веселую, то вдруг задумчивую, такую непостоянную, что порой даже страшно становится?

И даже сейчас, в камере, Пауль чувствовал, что до последнего дня своей жизни

он останется другом Саксу — это он познакомил его с Армильдой.

Платья, тряпки всему виной. И сам виноват. Был бы мужчиной, отрезал бы раз и навсегда: «Жить надо но средствам!»

Когда Армильда ходила хмурая, что-то ворчала себе под нос, только платья, туфли, серьги могли вернуть ей хорошее настроение...

Пауль тяжело опустился на нары. Ему захотелось перебрать в памяти каждый день, который он провел с Армильдой. Что-то самое главное упустил... Надо найти это главное, и тогда все станет ясно.

Пауль и не представлял себе, как он был близок к истине. Хорошенькая, смешливая Армильда умела рассчитывать. Сакс сказал правду — с такой не загуляешь. Армильда мечтала хорошо жить, хорошо одеваться, но не хотела размениваться. И к каждому мужчине, с которым знакомилась, подходила с одной меркой: муж или не муж? Эта мерка мешала ей увлечься кем-нибудь: «не муж» переставал существовать для нее. И поэтому, наверное, Армильда решила, что она никогда никого не полюбит. Сакс, познакомившийся с ней на танцах, сразу ей не понравился, но рассказ о Пауле Арупыльде заинтересовал девушку. Разглядеть этого, судя по словам Сакса, увальня не удалось — было темно, — а потом он вообще исчез. Добродушен, застенчив, недурен собой, хороший механик, с большим будущим — вот что запомнила Армильда из рассказа Сакса.

— Познакомьте, — попросила она.

Она не ошиблась в выборе. Достаточно ей было подумать о чем-нибудь, как Пауль уже загорался ее желаниями. Как бы ни уставал он, а вечерами садился за стол, брал инструменты и начинал возиться с приемниками.

— Тебе на туфли, — шутил он, ласково поглядывая на жену.

Сакс где-то добывал самые дефицитные детали.

— Смотри не подведи, — говорил он, вручая Паулю пакеты. Эту же фразу Сакс обязательно повторял, аккуратно укладывая в бумажник деньги.

Пауль мрачнел:

— Сам рискую — ладно. А ты — из-за меня...

Армильда понимала, что дело тут нечисто. Понимала она и то, что Паулю, прямому, честному, это было неприятно. Но как бы там ни было, а работы было много, денег — тоже, и если Паулю становилось очень уж не по себе, ласка легко утешала его.

С Руди она познакомилась в магазине. Поглядывая на стройную Армильду, сновавшую за прилавком, он ввернул, между прочим, что работает инженером, хорошо зарабатывает.

Нет, увлечься, оказывается, Армильда умела. Для Руди она готова была сделать все что угодно. Обычно расчетливая, холодная, она словно потеряла голову, научилась лгать, скрывать свои встречи с ним. Прийти от Руди и наговорить кучу хороших слов Паулю — стало для нее обычным.

Не раз Армильда задумывалась: что будет дальше? Руди любит ее, но он категорически отказывается жить вместе. Почему? Иногда думалось: «Надо уйти от Пауля, и все станет на свое место. Не отпустит, будет уговаривать, ходить по пятам». Против Пауля накопало раздражение. Ей не мила жизнь без Руди — такого обаятельного, такого чуткого, умевшего так красиво ухаживать!

Потом на нее свалилось новое несчастье: она узнала, что ее отец когда-то тяжело болел. Сразу же подумалось: «У нас с Паулем не было детей. Не поэтому ли?» Никому, кроме Пауля, сообщить о болезни отца Армильда не решилась, но, поделившись новостью с мужем, тут же поняла: если она уйдет от Пауля, он все расскажет Руди.

Она запутывалась все больше и больше, и, когда однажды Пауль ударил ее, почувствовала, что ненавидит мужа.

Многого не знал Пауль. И теперь, в камере, без конца вспоминая то один, то другой эпизод своей жизни с Армильдой, он ни в чем не мог разобраться. Вернее, он понял лишь одно: в дом на Выргу его привела нужда в деньгах. Винить в этом, кроме самого себя, Пауль никого не мог.

Вечер воспоминаний

Сразу после допроса Арупыльда Вески занялся Саксом. Он внимательно прочитал показания сослуживцев Роберта Липпа, которых допрашивал сотрудник отдела Хейно Хярм, просмотрел справку, что детали, найденные у Арупыльда, очень дефицитные и за последние полгода лишь один раз — две недели назад — наступали в продажу. К справке была подколота записка Хярма:

«...Сам радиолобитель, деталей в продаже не видел. Видно, Липп забрал все и спекулировал...»

Сразу припомнилась виноватая улыбка Пауля: «А я думал из-за деталей забрали...» Конечно, Сакс посредничал в спекуляции. Дома у Липпа хранились радиодетали, их-то и швырнул Сакс в реку. Преступление налицо, им займутся. Но стало ли яснее дело, которое они с Отсом ведут?..

Когда закончился допрос Сакса, подтвердивший рассуждения Вески, Отс удивленно поглядел на капитана:

— Чем вы так довольны, Лембит? Дело Сакса — это шлак. Жаль потерянного времени... Представляю себе, как будет доволен Хеннинг.

— Ну-ну, жалеть не о чем, спекулянтов поймали... А насчет шлака ты прав — радоваться действительно нечему...

— Я и говорю...

— Чепуху говоришь. — Вески снял очки и медленно стал протирать их. — Хорошо, если сразу ухватишься за верную нитку. Но такое редко случается, сам знаешь. Пока доберешься до истины, не одну лопату шлака отбросишь. А отбрасывать его надо, иначе истина останется погребенной под ним. Чем больше отбросим — тем ближе к правде... А ты — о Хеннинге... И все же для радости мало причин. Пауль Арупыльд арестован, и мне все больше кажется, напрасно арестован. Это уже не шлак. Невинный человек — в тюрьме! Пойми, невинный. О чем он сейчас думает, что переживает? Я, ты и мы все в ответе за это, мы что-то прозевали. Сиди и думай! Вспоминай! Вот мы выехали из управления... Поле... Картофельная ботва!.. Вспоминай, записывай, что пропущено!.. Обыск... Все, все вспоминай!

В кабинете наступила тишина. Отсу эта затея, которую он окрестил «вечером

воспоминаний», показалась нелепой, но он добросовестно морщил лоб, стараясь припомнить, как развивалось дело. Вески же очистил стол, зажег верхний свет, а затем, открыв сейф, вытащил из него пакет с вещественными доказательствами. Там были аккуратно завернутые в бумагу брюки Пауля, его ботинки, сумочка Армилды, из которой посыпались аптечные сигнатурки.

— Вспомнил что-нибудь?

Нет, Отс ничего не вспомнил, он... задремал.

— Эх, ты! Надо уметь не спать. — Веселые нотки в голове Вески удивили Отса. — Смотри: рецепты! Зачем? Почему так много?

Отс ничего не понимал. Чему радуется Вески? Рецепты! Какая у них может быть связь с делом?

— Мудрствую. Так, кажется, про меня говорят? — глаза Вески хитро улыбались и блестели. — Может, и так, может, все это ни к чему... А только... только все преступления раскрываются не случайно, как это порой кажется. Ничего нельзя отбрасывать. Следователь честен тогда, когда он не упустил ни одной мелочи. В них-то и прячется то, что мы называем случайностью. Завтра трогать Арупыльда не будем... Завтра — рецепты. Заверни их отдельно, я заберу. Остальное спрячь. А сейчас, — Вески снова хитро улыбнулся, — порадуем Хеннинга, если он еще не ушел.

Звонок застал майора Хеннинга уже в шинели, во, услышав первые слова Вески, он сел к столу.

— Опять сомневаетесь? — прервал он Вески. — Надоело! Завтра же кончайте.

Вески не успел возразить — Хеннинг повесил трубку.

«Ну и черт с тобой! — размышлял Вески по дороге домой. — День у меня еще впереди».

Утром Вески проснулся с тяжелой головой. Глухо звонил будильник.

— Восемь? — Вайке открыла глаза. — Поздно пришел, Лембит? Я и не слышала.

Вески подхватил сына, бросившегося к нему в постель, и скомандовал:

— Вставать, быстро вставать! Через час большой Харри зайдет. Я ему завтрак обещал.

Двери Отсу открыла Вайке. Как всегда, она позавидовала цветущему виду лейтенанта, но и у него были озабоченные глаза.

— Что у вас такое, Харри? — Вайке опасно оглянулась.

— Ты не бойся, не бойся, сами расскажем! — Вески со смехом выглянул из столовой. — Быстрее к столу! Вот, допустим, скажут, что ты мне изменила, не любишь меня. Убью я тебя? Ага, молчишь!.. Испугалась?

— Глупости ты говоришь! — Вайке рассмеялась. — За это судят — побоишься. — И уже серьезно добавила: — Не поверишь. Когда очень любишь, хочешь верить в любимого.

— А вот и ошиблась. — Вески потянулся за ножом и подмигнул Отсу. — Харри может доказать тебе обратное. У него нет сомнений.

— В том-то и дело, Пауль... — мрачно начал тот.

— Имен не называйте, лейтенант, тайна!

— Хватит! — Вайке рассердилась. — Мерещатся вам убийства.

— Я серьезно, Вайке. Мог бы я тебя убить из ревности?

— Ты у себя спроси. Убьешь — тут же сам застрелишься, — с напускной серьезностью ответила она.

После завтрака Вайке ушла, забрав с собой сына.

— Вот оно как, лейтенант! — Вески, посмеиваясь, поглядел на Отса, когда они стали разбирать рецепты. — «Убьешь — сам застрелишься!» А Пауль на пароход пошел... Надо разобраться. Погубить жизнь Пауля — не фокус. На-ка лучше посмотри... — И Вески протянул Отсу несколько сигнатурок. — Тут и аптека на Нарва маантэ и на Ратушной площади. И на Пярну мазитее и еще, еще — все аптеки Таллина! Рецептов куча, а ты в протокол всего несколько слов записал: «Различные медицинские справки на двадцати двух листах». Эх, прозевали мы с тобой, прозевали!.. А я-то хорош, ведь тоже держал их в руках! Эти — мне, а эти — тебе! — Вески пододвинул к Отсу кучу бумажек. — В пять встречаемся в управлении.

— Одну минуту! — Отс разложил рецепты в ряд. — Все они датированы августом, а сейчас октябрь...

— Верно! Молодец. Может, в этом и ключ. Что за болезни у нее были?

Вески и Отс весь день рылись в архивах аптек, разыскивая оригиналы рецептов, потом копались в карточках поликлиник, беседовали с врачами. Армильда Арупыльд жаловалась терапевту на боли в печени, одному окулисту — на резь в глазах, другому — на светобоязнь, хирургу — на отсутствие аппетита. Никаких заболеваний не нашли. Она была настойчива, требовала лечения, лекарств. Кто отправлял ее ни с чем, а кто выписывал какое-либо безвредное средство.

Почти два часа они сводили в таблицу сведения, добытые за день. В таблице было четыре графы: «поликлиника», «фамилия врача», «на что жаловалась», «заключение».

— Учебник медицины какой-то! — горько пошутил Отс. — Все болезни тут. Стечение-то роковое, правда не обстоятельств, а болезней. Все это интересно, но фамилии убийцы здесь нет. Пока мы знаем одно имя: Арупыльд Пауль.

— Да, пока непонятно. Но завтра надо или освободить Арупыльда или предъявить ему обвинение. Ясно? Рассуждать нечего, надо действовать! — ответил Вески.

Пятый день

До двенадцати оставались считанные минуты. В кабинете полковника Мяэкиви стоял приглушенный шум, обычный перед многолюдными совещаниями. А такими и бывали оперативки, когда заканчивалось какое-либо серьезное дело. На них кроме начальников отделов и сотрудников, принимавших участие в расследовании, приглашались все, кому время позволяло прийти.

Полковник придавал большое значение таким расширенным совещаниям, он считал их лучшей формой учебы. Сегодня предстояло решить окончательно дело об убийстве Армильды Арупыльд. Правда, полковнику это дело особо сложным

уже не казалось, и на оперативку он вынес его, пожалуй, случайно.

Двое суток Мяэкиви был в командировке. Первым к нему вошел Хеннинг и сразу же доложил:

— Арупыльд сознался... Дело закончено.

На сей раз тон майора был сух, спокоен, словно сам он никогда и никакого отношения к делу не имел. Полковнику это понравилось: «Не зазнается». Когда позвонил Вески, разыскивавший Хеннинга, Мяэкиви подумал: «Пусть покается в своих сомнениях, это будет ему серьезным уроком...» Тут же вспомнилась встреча с портовыми рабочими: с людьми поговорили — все стало ясно. Случай снова побеседовать на эту излюбленную тему тоже был исключительный.

И вот теперь, посмотрев на часы, затем на Вески, он снова улыбнулся, положил руку на тонкую стопку бумаги и сказал:

— Начнем.

Вески поднялся и медленно произнес, обращаясь к полковнику:

— Разрешите выступить Отсу?

Мяэкиви одобрительно кивнул. Он любил, когда докладывали молодые сотрудники. Подготовка к совещаниям, считал он, приучает систематизировать материал, а вопросы после выступления — быстро соображать.

Смущенный, Отс встал и оправил китель. Заговорил вначале взволнованно, срывающимся голосом, но уже через минуту-другую овладел собой и справился со смущением.

— Обстоятельства, заставившие выдвинуть наряду с другими предложениями версию о Пауле Арупыльде, известны, — сказал Отс, окидывая присутствующих взглядом. На секунду он остановил глаза на Вески. Тот ободряюще наклонил голову. — Мотив грабежа отпал сразу: маленькая светло-коричневая сумочка лежала нетронутой, какой же грабитель, убив свою жертву, оставит на месте деньги?

Резкий голос майора Луми заставил всех повернуться к нему:

— Слабый довод. А если преступнику в самый последний момент помешали?..

Вески с тревогой ожидал ответа Отса. Не оплошает ли Харри? Нет. Отс задумался только на секунду, и то, видимо, от неожиданности. Он спокойно, даже чересчур спокойно отчеканил:

— Труп найден не на дороге, а на глухом пустыре, где грабителю помешать никто не мог. — Этого ему, очевидно, показалось мало, и он добавил: — Душить, бить, подвешивать жертву — хладнокровия у преступника хватило, а сумку схватить перед бегством, даже если ему помешали, он не успел?!

В кабинете возникло оживление. «Молодец!» — Вески удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Мяэкиви, видимо, тоже был доволен ответом Отса. Он постукивал тупым концом карандаша по столу, а это всегда расценивалось как добрый признак.

Отс приводил все новые и новые доводы. Улики смыкались в единую цепь и все полнее раскрывали перед слушателями картину убийства. Хеннинг, как всегда, подтянутый, ни единым жестом не выдавал своего удовлетворения. Майор Луми, старательно рисовавший на листке блокнота квадратики, обиженно думал, что, собственно, не так уж хитро было предполагать, что на одежде преступника

должна остаться кровь жертвы. Не столь уж гениальна такая находка... Подумаешь, сообразили: на брюках и рубашке Пауля кровь той же группы, что и у Армильды, а у самого Пауля — иная.

По докладу Отса чувствовалось, что он тщательно обдумал свое выступление.

— Итак, Пауль Арупыльд показал, что он задушил свою жену. Образно выражаясь, против Арупыльда выстроено мощное здание обвинения. Кирпичи этого здания — улики, которые я привел, а фундамент — признание в убийстве. — С этими словами он достал из папки лист бумаги и, обменявшись взглядом с Вески, чуть улыбнулся: — И все же придется подписать постановление немедленно освободить Арупыльда из-под стражи!..

Молчание, вдруг наступившее в кабинете, можно было сравнить только с тишиной, возникающей сразу после неожиданно прекратившейся артиллерийской канонады. Хеннинг покраснел, сорвался было с места, но тут же заставил себя сесть. Через мгновение кабинет загудел, как большой встревоженный улей. Теперь следовало ожидать вопросов.

Вески даже пожалел на мгновение, что доверил Отсу докладывать сегодня об этом деле. Ведь никто, ни один живой человек не знал ничего о событиях, происшедших вчера. Желание сыграть такую шутку пришло к Вески утром, когда полковник отказался его выслушать, но выступать он собирался сам. А тут Отс взмолился: дай ему доложить... Конечно, через полчаса все станет на свое место, но эти полчаса будут такими, что их запомнишь надолго.

Как это ни странно, но Вески, ни на секунду не забывавший, что Арупыльд все еще находится под стражей, сейчас не думал о нем. Арупыльд отошел на второй план. Первое место в его мыслях занимал Хеннинг...

Попытайся капитан проанализировать свои чувства, он прежде всего ощутил бы, как каждую его клеточку пронизывает радость: он, Вески, отмел обвинение от невиновного. Это чувство походило на то, которое испытывает рабочий, разглядывая законченное изделие своих рук — я это сделал!

Взгляд Вески был направлен на Мязкиви, опустившего глаза к столу и словно пытавшегося что-то прочесть на чистом листе бумаги. Неожиданно и резко полковник вскинул голову. Заговорил он спокойно, не повышая голоса, но каждое слово произносил отчетливо, тщательно отделяя от следующего:

— Если не сумеете доказать свои новые выводы, будете отстранены от следствия... Мы не в игрушки играем. — В голосе зазвучало раздражение, и это, пожалуй, больше всего насторожило Вески, так как полковник отлично умел владеть собой: — Вбили себе в голову чепуху, а теперь нас морочите!.. Понятно?!

Вески побледнел. Ему хотелось крикнуть, что не он вбил себе в голову чепуху, а, наоборот, кое-кто другой увлекся одной линией обвинения. Но привычка к дисциплине взяла свое: Вески встал и глухо заметил, что просит доверять его выводам.

Его перебил Отс:

— Разрешите, товарищ полковник? — Не дожидаясь ответа, Отс продолжал: — И я думал, что капитан Вески ошибается, что он выдает желаемое за действительное. Но факты есть факты. Их надо уметь связать, правильно понять, и тогда вдруг обнаруживаются новые факты, заставляющие делать новые

выводы. За пять дней, — голос Отса стал мягким, — за эти пять дней, — повторил он, — я прошел не скажу приятную, но очень полезную школу.

И хмуро молчавший Мяэкиви, и взволнованный Вески переглянулись. По мере того как Отс говорил, лицо полковника все больше разглаживалось и принимало обычное выражение. Он даже снова начал постукивать карандашом.

— Кровь на брюках и на рубашке Пауля, — говорил Отс, — улика. Но послушайте...

Вот Пауль Арупыльд, немного пьяный, возвращается домой от Лунда. На своих руках он только что держал первенца товарища. Его сердце полно нежности к жене — ведь он тоже мечтает о ребенке. На глаза ему попадает записная книжка Армильды. Он машинально перелистывает странички. И вдруг — записка Рудольфа Леппика! Обрушья потолок на голову — Пауль был бы меньше ошеломлен. Жена ему изменяет... Да-да, изменяет, сомнений в этом нет! Услужливая память подсказывает: на прошлой неделе Армильда не ночевала дома, сказала, что была у подруги. Однажды явилась поздно, от нее пахло вином. И в этот-то момент открывается дверь, и в комнату входит Армильда — нарядная, красивая. Опять — подруга... Паулю кажется: она пришла от любовника. Сами собой сжимаются кулаки, глаза застилает туман... и капли крови из разбитых губ жены падают на рубашку, брюки.

— Сомневаться, что так оно и было, мы не можем, — глухо резюмировал Отс. — Этот эпизод подробно освещен свидетелями, записка Леппика у нас.

Отс продолжал свой доклад. Задумавшись, слушал его Вески. Конечно, у Пауля и мысли не было об убийстве жены, когда он назначил ей свидание неподалеку от дома Альмы Метс, где, как он думал, Армильда живет. Об этом свидетельствуют и показания Сакса. Убивая из ревности, покупками не занимаются. Пауль продолжал любить жену, искал встреч с ней, хотел примирения.

Слова Отса долетали до Вески, как во сне. Но слова были точные, и Отс не упускал ни одной детали. И перед мысленным взором Вески всплыло все, что он увидел в памятную ночь на пустыре. Эти детали, выступавшие тогда как немые свидетели преступления, как бесспорные улики, теперь говорили: Пауль Арупыльд невиновен. Три следа ботинок Пауля: он бежал. Верно, он бежал. Но что предшествовало этому?

— Армильда же думала не о муже, — доносился голос Отса.

Правильно, Харри, правильно! Этим же путем шел он, Вески. Очень важно было представить себе не только мысли и чувства Пауля Арупыльда, но и все, что переживала, думала на пустыре и его жена. А она пришла сюда совсем не мириться. Она согласилась на встречу потому, что надеялась: развод с Паулем поможет ей удержать Руди. «При живом муже замуж не выходят!» — вот его слова. Пауль же просит ее вернуться домой, просит забыть все случившееся. Нет, тысячу раз нет! А Пауль снова и снова умоляет жену. Наконец в отчаянии он напоминает ей...

— Это была старая история. Мы обнаружили ее, когда ходили по кабинетам врачей. — Отс достал из папки пачку протоколов.

— Врачей? — прервал полковник и протянул руку за протоколами. — Каких

врачей?

...В диспансер обратилась Армильда Арупыльд. Ей рассказали, что ее отец в молодости лечился от какого-то венерического заболевания. Это было давно, еще до ее рождения... Не передалась ли ей болезнь по наследству? Вот и детей у нее нет... «Не потому ли?» — спрашивала Армильда. Врач ее успокоила, взяла кровь на исследование. Проверила здоровье и ее мужа — он тоже приходил. Оба они оказались совершенно здоровыми. Но месяц назад Арупыльд снова пришла и заявила, что обнаружила у себя симптомы «неизлечимой» болезни.

Вески едва подавил желание самому продолжать рассказ Отса. Ведь так трудно, передать словами трагедию Арупыльда! Чтобы поверить ему, надо было видеть бесконечную муку на его лице, слышать его бессвязные слова во время допроса, когда он снова переживал события той ночи. Теряя рассудок, он пригрозил жене: «Не вернешься домой — все узнают!» — «Опозорить меня хочешь? — закричала в ответ Армильда. — Ненавижу тебя! Ты враг!»

— Источник этой версии может быть только один — Пауль Арупыльд. Почему ему надо верить? — встал майор Хеннинг.

— Почему ему надо верить? Потому, что Пауль Арупыльд — честный человек! — резко и убежденно ответил Отс.

— Неубедительно, — голос Хеннинга вкрадчив, а тон язвителен.

Однако симпатии собравшихся, кажется, не на его стороне.

— Для вас — да. Вы не были на допросе, — вмешался Вески. — Но есть и объективные доказательства.

Полковник недовольно повернулся к Вески, и тот утонул в кресле.

А Отс выпрямился и не спеша начал перечислять факты, которым не было придано значения в начале следствия.

Овчарка по следу Пауля тянула только на дорогу. В сторону каркаса кабины она не сделала ни одного движения. Значит, там Пауль не был. А вот по следу погибшей Рекс сразу повел к кабине.

— Не верить Паулю Арупыльду — значит признать, что он по воздуху перелетел к каркасу. Но и тогда он должен был бы оставить след возле трупа... — Отс обращался прямо к Хеннингу.

— А керосин на обуви?! — воскликнул уязвленный Хеннинг. — Не так он прост, ваш Пауль.

— Судно ходит на нефти, Арупыльд — механик.

— Почему же он так покорно дал себя задержать? — не унимался майор.

— Радиодетали, которые найдены у него в каюте, куплены не очень-то честно. И видимо, не в первый раз. Материал передан в ОБХСС.

— Честный!.. — презрительно усмехнулся Хеннинг.

Отс не успел ответить. В кабинете поднялся шум. Кто же все-таки убил?

— Впустую поработали! — воскликнул Хеннинг.

Вески вскочил:

— Невиновного защитили! А это даже больше, чем обвинить виновного.

Полковник постучал карандашом по столу, и шум стих.

А Отс, сбросив с себя солидность, с которой он провел первую половину доклада, с увлечением рассказывал о дальнейших розысках:

— У большой двери часто бывает маленький ключ — учил меня капитан. У этой большой двери действительно оказался маленький ключ — сигнатурки из аптек.

Нет, над Отсом не смеялись. Он сумел увлечь слушателей. Даже Хеннинг, и тот слушал внимательно.

— «Акт посмертной судебно-психиатрической экспертизы», — громко читал Отс. — Я позволю себе огласить заключение полностью. «Изучением медицинских и следственных документов установлено, что Арупыльд в течение месяца до смерти постоянно находилась в состоянии угнетения, подавленности. В последние дни ее жизни это состояние приобрело оттенок тоскливости. По свидетельству лиц, близко знавших Арупыльд при жизни, в последнее время она считала свою жизнь «пропащей».

— Один вопрос! — поднялся с места начальник оперативного отдела Лайд. — Считаете ли вы возможным, чтобы Армильда Арупыльд сама себе нанесла шесть болезненных ран на голове?

Отс кивнул головой:

— Все, вероятно, помнят, что раны на голове Арупыльд были неглубокие и располагались параллельно, под углом направо от средней лицевой линии. Думаю, вы согласитесь со мной, — Отс окинул взглядом собравшихся, — что если бы Армильду Арупыльд ударил другой человек, то после первого же удара инстинкт самозащиты заставил бы ее изменить положение тела и головы. — Отс достал из портфеля вилкообразную деталь и, зажав ее в правой руке, приложил к своей голове. — Но тогда, — продолжал он, — последующие удары наверняка сместились бы по отношению к первому, и все раны не были бы параллельны между собой...

Полковник Лайд кивнул в знак согласия и положил руку на кресло.

«Далеко, пойдет лейтенант», — подумал Мяэкиви, расписываясь на постановлении об освобождении Арупыльда из-под стражи.

— Есть еще один существенный момент, — продолжал Отс, — подтверждающий, что Арупыльд сама себе нанесла раны, держа эту болванку в правой руке. Смотрите... — Продолжая говорить, Отс пустил пачку фотографий по рукам. — Кровь из ран стекала по лицу Армильды, по ее одежде, по левой руке, которой она схватилась за голову. Чиста лишь ладонь правой руки, именно та ладонь, которая была поднята вверх и сжимала чугунную деталь. Отсюда и затеки крови на правой руке и внутри рукава до самого локтя. — Теперь итог. — Отс читал, почти скандируя: — «Комиссия врачей-психиатров пришла к выводу, что Арупыльд Армильда... являлась психопатической личностью с ярко выраженными депрессивными наклонностями в период, предшествовавший ее смерти. При обострении депрессивного состояния могла покончить жизнь самоубийством». Остается добавить всего несколько слов. Угроза Пауля довела его жену именно до острого депрессивного состояния. Полагаю, что Армильда Арупыльд нанесла себе удары перед тем, как повеситься, повинувшись голосу воспаленного мозга, твердившего ей: отомсти Паулю. Это и была ее месть — обвинение Пауля в покушении на убийство жены. А потом она забыла о мести и...

Совещание закончилось. Заключение полковника было неожиданным. Он

говорил глухо, глядя в сторону и как бы раздумывая вслух:

— Мы совершили огромную ошибку, посадили в тюрьму невиновного. Что может быть страшнее для нас?! Ничего. Это даже хуже, чем нераскрытое преступление. Вам я делаю замечание! — Полковник всем корпусом повернулся к Вески. — У вас не хватило поначалу мужества поверить себе, своей совести. Учтите, только замечание. Часть своей вины вы искупили: по существу, законченное дело не бросили, пошли на конфликт со мной и доискались истины. — Полковник перевел дыхание. — Теперь о главном. Главное все же в другом: с людьми надо говорить, надо уметь слушать их, надо уметь верить им. Вески сумел. Научил Отса. Скажу о себе: я не видел Арупыльда, не слышал его. И в этом корень моей ошибки. Когда решаешь судьбу человека, человека надо знать.

Хеннинг удовлетворенно подумал: «Подвели тебя любимчики... А Вески все же надо поздравить».

Но встать майор не успел. Полковник шагнул из-за стола и протянул обе руки Вески:

— Не только за дело Арупыльда. За Отса и за... урок. — Он обвел глазами комнату и добавил: — Людям надо верить...